

Научная статья
УДК 94(470.64).085.9
DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-216-229
EDN: KIVDAT

МЕЧЕТИ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1917–1991 ГОДЫ)

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

Аннотация. В работе исследуются особенности функционирования мечетей в Кабардино-Балкарии в советское время. Рассматривается их роль и место в социуме в предшествующий 1917 г. период. Делается вывод о том, что их деятельность была многопрофильной. Выявляется специфика положения мечетей в первые годы советской власти. Начало реализации мер по поступательному их закрытию и перепрофилированию связывается с разворачиванием процессов комплексной социалистической модернизации. Резкое сокращение количества мечетей, произошедшее во второй половине 20-х – начале 30-х гг. XX в., объясняется внутренними процессами в КБАО, главным образом, массовыми крестьянскими волнениями. Отмечается, что во время оккупации территории республики периода Великой Отечественной войны (август 1942 – январь 1943 гг.) немецким командованием осуществлялись активные меры по возобновлению работы мечетей, что являлось составной частью их политики, направленной на привлечение местного населения. Утверждается, что в послевоенные советские десятилетия в республике укоренилась и широко распространилась типичная система обхода требований действующего законодательства в отношении строений культового назначения. Она сводилась, главным образом, к приданию им статуса хозяйственных построек, которые не подлежали официальной регистрации. Подобного рода сооружения в Кабардино-Балкарии в 40–80-е гг. имелись во многих населенных пунктах и представляли собой основную по распространенности форму мечетей, функционировавших в рассматриваемый период.

Ключевые слова: религия; мечеть; социум; советский период; религиозное здание; профессиональная политика; мимикрия

Для цитирования: Такова А.Н. Мечети Кабардино-Балкарии: особенности функционирования и развития в советский период (1917–1991 годы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2026. – № 3. – С. 216–229. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-216-229. EDN: KIVDAT.

© Такова А.Н., 2026

© ЭЖ «Кавказология», 2026

Original article

MOSQUES OF KABARDINO-BALKARIA: FEATURES OF FUNCTIONING AND DEVELOPMENT IN THE SOVIET PERIOD (1917–1991)

Aleksandra N. Takova

Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, sanatakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

Abstract. The paper examines the peculiarities of the functioning of mosques in Kabardino-Balkaria during the Soviet period. Their role and place in society in the period preceding 1917 are considered. It is concluded that their activities were multidisciplinary. The article reveals the specifics of the position of mosques in the early years of Soviet power. The beginning of the implementation of measures to progressively close them and redevelop them is associated with the deployment of the processes of comprehensive socialist modernization. The sharp decline in the number of mosques that occurred in the second half of the 20s and early 30s of the 20th century is explained by internal processes in the KBAO, mainly by mass peasant unrest. It is noted that during the occupation of the territory of the republic during the Great Patriotic War (August 1942 – January 1943), the German command carried out active measures to reopen mosques, which was an integral part of their policy aimed at attracting the local population. It is argued that in the post-war Soviet decades, a typical system of circumvention of the requirements of current legislation regarding religious buildings took root and spread widely in the republic. It consisted mainly of giving them the status of outbuildings that were not subject to official registration. Similar structures in Kabardino-Balkaria in the 40s–80s were present in many settlements and represented the main form of mosques operating in the period under review.

Keywords: religion; mosque; society; Soviet period; religious building; confessional politics; mimicry

For citation: Takova A.N. Mosques of Kabardino-Balkaria: features of functioning and development in the Soviet period (1917–1991). In: Electronic journal "Caucasology". – 2026. – № 3. – P. 216-229. – DOI: 10.31143/2542-212X-2026-3-216-229. EDN: KIVDAT.

© Takova A.N., 2026

© Caucasology, 2026

Введение

Советский период является временем, на протяжении которого с разной интенсивностью государственными органами реализовывались меры по утверждению в социуме страны атеистических установок. При этом одновременно велась перманентная работа по максимальному нивелированию религиозной составляющей духовной культуры. Целью данной деятельности было радикальное реформативное изменение общества, мировоззрение членов которого стремились освободить от «старых» и «вредных», с точки зрения идеологии большевиков, пережитков, к числу которых относилась, в том числе, религия. Взамен предполагалось внедрить и закрепить новые социалистические идеалы и ценности. В этих условиях функционирование религиозных зданий происходило в специфических условиях. С точки зрения законодательства о культах, оформившегося к концу 20-х гг. XX в., оно было легальным, хотя и ограничено узкими рамками. В практическом же плане – происходило в условиях реализации мер, направленных на недопущение их роста, а порой и на сокращение. Более того, в периоды усиления антирелигиозного натиска, закрытие культовых зданий нередко становилось

главным направлением в деятельности лиц и структур, ответственных за осуществление на местах политики в религиозной сфере, а также одним из важнейших показателей ее успешности или неуспешности. В связи с этим культовые здания на протяжении всего советского периода функционировали в стесненных условиях, которые диссонировали с объективно существовавшими духовными потребностями населения. Все это способствовало формированию различных форм мимикрии, направленных на преодоление данных ограничений и создание приемлемых условий для поддержания в социуме удовлетворительного уровня религиозной культуры. Оно выразилось в появлении и постепенном прочном закреплении типичных способов обхода ограничений, заложенных в законодательстве. В настоящем исследовании анализируются особенности проявлений данной мимикрии в советской Кабардино-Балкарии, и ее влияние на развитие процессов в религиозной сфере субрегиона в целом.

Рассмотрение вопроса о функционировании в советский период культовых зданий, в настоящем исследовании – мечетей, дает обширный корпус материалов, позволяющий воссоздать более полную картину повседневной религиозной культуры населения субрегиона в условиях реализации советского атеистического проекта. Целью работы является изучение особенностей положения и деятельности мечетей в Кабардино-Балкарии, а также связанные с ним элементы мимикрии, направленные на их сохранение в период реализации политики, так или иначе нацеленной на всемерное ограничение их деятельности и желательное сокращение количества. Основными источниками для написания работы послужили материалы, извлеченные из архивохранилищ Кабардино-Балкарии, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, а также находящиеся в открытом доступе нормативно-правовые акты. Некоторые аспекты рассматриваемой темы отражены в работах Х.Б. Мамсирова, Н.М. Емельяновой, С.И. Аккиевой, М.Х. Мукожева, Л.И. Сосковец, Г.Х. и З.Г. Мамбетовых [Мамсиров 2004; Емельянова 2002; Аккиева 2010; Сосковец 2003; Мамбетов 1999] и других авторов. Методами исследования являются: анализ архивных материалов, нормативно-правовых актов, системный анализ проблемы, индукция, дедукция, социальная психология, локальная история.

Результаты исследования

По состоянию на 1917 г. территория Кабардино-Балкарии составляла Нальчикский округ Терской области. В 36 ее населенных пунктах, где проживали преимущественно этнические мусульмане, действовало 157 мечетей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148]. Н.М. Емельянова, со ссылкой на материалы ГАРФ (Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 145. Л. 24 об.), приводит более высокие цифры – 219 мечетей [Емельянова 2002: 52], причем только в «кабардинских» селениях. Так или иначе, очевидно, что в субрегионе, по состоянию на 1917 г., в каждом населенном пункте действовало по несколько мечетей, как правило, располагавшихся поквартально. Источниками средств на их сооружение, текущее функционирование, ремонт были частные коллективные или, реже, индивидуальные пожертвования жителей того или иного поселения. Местные служители культа

могли лишь инициировать строительство мечетей, но не обеспечить их материально, так как в Кабарде и Балкарии «...экономические позиции исламского духовенства оставались слабыми, ибо здесь не было вакуфного землевладения» [Аккиева 2010: 46].

Помимо своих прямых культовых функций, мечети Кабардино-Балкарии в предреволюционный период являлись также и своего рода центрами массового начального образования. «...при каждой мечети, безусловно, находилась и школа» [Мамсилов 2004: 160], – так, к примеру, пишет по этому поводу Х.Б. Мамсилов. К сожалению, полных данных, позволяющих оценить долю жителей Кабардино-Балкарии, имевших по состоянию на 1917 г. опыт обучения в подобных примечетских начальных религиозных школах, нет. Однако в архивных материалах уже советского периода довольно часто, применительно к различным вопросам, встречаются сведения о людях, владевших арабской грамотой, обычно называемых «грамотные по-арабски». Это дает основание предположить, что в рассматриваемом социуме, по крайней мере в довоенные советские десятилетия, их было немало.

Борьба с антибольшевистскими силами в Кабардино-Балкарии в период гражданской войны велась под лозунгом «Да здравствует советская власть и шариат». Главную роль в их разгроме (март 1920 г.) сыграла I Ударная советская шариатская колонна, возглавляемая местным эфенди Н.А. Катхановым и укомплектованная, в немалом количестве, учащимися и выпускниками мусульманских образовательных учреждений. В целом определенная часть духовенства Кабардино-Балкарии в период гражданской войны и в первые годы советской власти тесно контактировала с ее лидерами и даже частично вошла в ее ряды (Н. Катханов, М. Энеев, З. Мидов, А. Гемуев и др.), заняв высокие должности. По некоторым оценкам, именно духовенство выполнило в данный период в субрегионе роль проводника идей советской власти в народную среду, став «...корнем большевистской агитации» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 45а. Л. 15]. Вполне обоснованным является утверждение, что «...центральные и региональные органы власти рассматривали исламских лидеров как потенциальных союзников и помощников в деле упрочения своего влияния в народных массах» [Атаев, Бегеулов 2015: 28].

Ввиду указанных обстоятельств, в первые годы советской власти в Кабардино-Балкарии комплексные внутренние преобразования осуществлялись с учетом местной специфики, что несколько задержало исторически неизбежное наступление на связанные с религией институты. В связи с этим, в первой половине 20-х гг. XX в. в субрегионе имело место сосуществование как новых их видов, внедряемых советской властью (народных судов, школ), так и старых, в том числе связанных с местной религиозной спецификой (шариатские суды, религиозные школы, мечети).

Натиск на религию, и, как следствие, на мечети, в исторической перспективе был неизбежен. Он стал одним из следствий развертывания тотальных мероприятий по комплексной социалистической модернизации региона, направленных на его полное переформатирование и, как цель, – советизацию. Работа властей в

данном направлении быстро свела «на нет» принцип «учитывания». Необходимость осуществления качественных преобразований, причем в кратчайшие сроки, часто подталкивала их к резким действиям, нередко сводящимся к силовому слоу старой системы организации социально-экономического и культурного пространств.

Одной из составляющих данной работы являлась деятельность по нивелированию религиозной культуры, которая постепенно начала рассматриваться как некая априори консервативная сила, препятствующая внедрению новых советских форм организации экономики и быта. Первая половина и середина 20-х гг. XX в. отмечены в Кабардино-Балкарии реализацией мер по постепенному сворачиванию работы шариатских судов, полностью ликвидированных к 1925 г., введению комплекса ограничений по функционированию религиозных образовательных учреждений, давлением на представителей духовенства, которые превратились в одну из «...наиболее дискриминируемых социальных групп советского общества» [Кобзев 2014: 150].

Конкретно же в отношении мечетей ситуация складывалась таким образом, что в абсолютном приоритете в этот период стало строительство разного рода социальных объектов – школ, библиотек, клубов, яслей, пунктов ликбеза, которое шло быстрыми темпами и поглощало все имеющиеся для этого ресурсы (материальные, технические, трудовые). При этом возникавшие время от времени инициативы по возведению зданий культового назначения блокировались. Более того, власти открыто заявляли о нежелательности строительства подобного рода сооружений. «...партийные и советские органы обязаны всеми законными мерами противодействовать строительству новых мечетей или церквей и ремонту старых» – так, к примеру, говорилось в одном из документов за 1926 г. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 42].

К середине 20-х гг. XX в., на волне деятельности по всемерному укреплению народных советских школ, фиксируются первые случаи перепрофилирования под светские нужды зданий мечетей, которые обычно преподносились как результат инициатив местных жителей, показатель роста их сознательности. К примеру, в документе за 1924 г. отмечался рост числа обучающихся в народных школах, при этом говорилось, что «...дети стали бросать религиозные школы, а многие селения сами закрывают религиозные школы, мало того – отводят под советскую школу помещения, в которых ранее помещались медресе» [УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 137. Л. 14]. Однако примечательные религиозные школы в середине 20-х гг. XX в. все еще продолжали оставаться важным сегментом образовательного пространства. По данным на 1 января 1926 г. в Кабардино-Балкарии фиксируется деятельность 10 медресе со 100 учениками и около 100 начальных школ-мектебе, с числом обучающихся до 1 тыс. чел. [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 74]. То есть, число самих мечетей, судя по приведенным данным, также в это время варьировалось в районе 100. Это свидетельствует о произошедшем в течение первой половины 20-х гг. сокращении их числа, по сравнению с 1917 г., примерно на треть.

Конец 20-х – начало 30-х гг. XX в. стал для Кабардино-Балкарии временем массового закрытия мечетей, которое, в свою очередь, являлось одним из следствий драматических исторических событий, происходивших в данный период. Речь идет о крестьянских волнениях 1928–1932 гг. Данные волнения, по сути, представляли собой реакцию на силовую реализацию мер по коллективизации деревни. Однако в их рамках также нашло выражение недовольство проводимой властями политикой в религиозной сфере. Экономические и политические требования восставших крестьян тесно перемежались с религиозными – звучали лозунги о прекращении преследования мулл, об открытии школ при каждой мечети, а нередко и более широкого плана – об установлении власти народа по шариату [Мамбетов, Мамбетов 1999: 71]. Весьма важно, что активное участие в данных волнениях принимали представители местного духовенства, причем нередко в качестве их организаторов и активных участников. «...мусульманское духовенство провоцировало участников беспорядков, требуя отмены хлебозаготовок, прекращения мелиорации, роспуска партийных ячеек, открытие духовных школ медресе» [Мамбетов, Мамбетов 1999: 9], – отмечается в одном исследовании.

В связи с этим вполне логично, что подавление крестьянских волнений привело к преследованиям в отношении представителей местного духовенства. Данные по этому вопросу неполны, однако даже имеющиеся фрагментарные сведения позволяют утверждать, что они носили широкий размах. К примеру, только в течение 1928 г. тюремные сроки получили 88 священнослужителей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 115. Л. 46–47]. Логично предположить, что ввиду того, что крестьянские волнения продолжались еще в последующие четыре года и охватывали большое количество населенных пунктов области, данная политика в отношении местных служителей продолжилась. Также абсолютно очевидно, что в подобных исторических условиях те служители, кому удавалось избежать преследований, обоснованно опасались за свою дальнейшую судьбу и даже жизнь. Во многом в связи с этим имел место массовый их отход от деятельности. Только в течение 1928 г. 153 служителя мусульманского культа Кабардино-Балкарии официально заявили о прекращении требоисполнений [УЦГА АС КБР. Ф. И-26. Оп. 3. Д. 15. Л. 56].

Период крестьянских волнений в Кабардино-Балкарии по времени совпал с принятием рамочного документа, регулирующего сферу государственно-конфессиональных отношений. Речь идет о Постановлении ВЦИК СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Этот документ с дополнениями и поправками действовал до конца советского периода. В соответствии с его положениями, главными акторами государственно-конфессиональных отношений становились, с одной стороны, разного рода контролирующие структуры на местах, а, с другой, – зарегистрированные в установленном порядке объединения верующих. Данные объединения были двух типов по числу входящих в их состав членов – религиозные общества (с числом членов от 20 человек и более) во главе с исполкомом из трех человек и религиозные группы (с числом членов менее 20 человек) во главе с председателем. Функционирование культовых зданий теперь

стало напрямую зависеть от наличия официально зарегистрированных объединений верующих, так как именно они становились, по сути, системообразующей структурой, только в рамках которой могли действовать как здания культового назначения, так и служители, которых могло нанимать для отправления религиозных обрядов объединение верующих.

В соответствии с положениями Постановления от 8 апреля 1929 г. все де-факто действовавшие религиозные объединения должны были в годичный срок, последующий за его принятием, пройти процедуру регистрации и образовать, соответственно, либо общества, либо группы. Не сделавшие этого объединения считались распавшимися. При формальном же отсутствии в конкретном населенном пункте зарегистрированного религиозного общества и/или группы, имеющееся культовое здание подлежало изъятию, «...так как представляло собой, с точки зрения властей, место незаконного собрания верующих» [Беккин 2021: 534].

Процедура прохождения официальной регистрации религиозных объединений была непростой. В отношении лиц, включенных в заявление о регистрации, выдвигался обширный перечень требований по возрасту, регистрации, социальному происхождению и пр. При этом местные власти имели право заявлять отвод в отношении отдельных, не соответствующих формальным требованиям лиц, что широко практиковалось. В связи с этим получить официальную регистрацию верующими было реально возможно лишь при условии заинтересованности в этом властей.

Только после официальной регистрации религиозное общество/группа могли подать заявление в органы местной администрации с просьбой о выделении им в пользование, для удовлетворения религиозных потребностей, на праве безвозмездной аренды, помещения. При этом само данное помещение также должно было соответствовать многочисленным строительно-техническим, противопожарным и санитарным нормам. В случае же отсутствия помещения, удовлетворяющего всем требованиям, теоретически возможно было инициировать строительство нового. Кроме того, отсутствие подходящего для культовых целей помещения не могло являться причиной отказа в официальной регистрации религиозного общества/группы. Однако на практике связь между регистрацией общества/группы и наличием подходящего молитвенного здания была весьма существенной, иногда едва ли не решающей [Сосковец 2003: 315].

Принятие Постановления «О религиозных объединениях» в Кабардино-Балкарии совпало с периодом крестьянских волнений с их выраженным религиозным наполнением и последовавшими массовыми преследованиями в отношении представителей духовенства, а порой, и шире, – религиозного актива, а нередко и просто лиц, владевших арабской грамотой. В связи с этим процесс регистрации религиозных объединений в установленные сроки здесь фактически осуществлен не был. В подобной обстановке желающих открыто заявлять о своем стремлении создать религиозное общество/группу, как правило, не находилось. В итоге в Кабардино-Балкарии сложилась парадоксальная ситуация – при фактическом усилении религиозности и ее политизации, актуализированной

кризисными процессами в социуме, при которых ислам стал своеобразным идеологическим обрамлением действий восставших крестьян, формально произошел ее стремительный спад, одним из показателей которого стало массовое закрытие ранее действовавших мечетей. В качестве официальных причин закрытия в подавляющем большинстве указывался «распад религиозной общины» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 71 об.], что, учитывая конкретные исторические условия, свидетельствует о том, что процедура официальной регистрации пройдена не была.

В итоге, по сведениям некоторых источников, к концу 30-х гг. в Кабардино-Балкарии не осталось ни одной действующей мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-778. Оп. 1. Д. 110. Л. 148]. Н.М. Емельянова, ссылаясь на материалы ГАРФ, приводит более оптимистические цифры, указывая, что к 1938 г. в республике «...функционировали и были юридически оформлены 36 мечетей» [Емельянова 1999: 72–73]. И.Л. Бабич также пишет о действовавших к концу 30-х гг. XX в. 36 мечетях [Бабич 2001: 131]. Однако даже эти цифры свидетельствуют о произошедшем значительном сокращении их числа.

Реальность же была несколько иной. Религиозные общины верующих никуда не исчезли и, безусловно, имелись в каждом населенном пункте Кабардино-Балкарии, правда, свою деятельность они, как правило, официально не регистрировали. Здания же, ранее использовавшиеся под культовые цели, при условии соответствия техническим, противопожарным, санитарным и прочим нормам, ввиду формального распада религиозных общин подлежали изъятию и последующему перепрофилированию под светские, а иногда и хозяйственные цели. Однако, судя по имеющимся архивным данным, с процессом перепрофилирования в Кабардино-Балкарии были сложности. Так, в протоколе заседания Президиума Верховного Совета КБАССР от 20 мая 1939 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 177. Л. 8 об.], к примеру, констатировалось, что немалая часть из официально закрытых мечетей, которые предполагалось использовать под светские нужды, на деле так и не была перепрофилирована.

О том, что происходило в этих официально закрытых, но так и не перепрофилированных мечетях, сказать сложно. Возможно, часть из них все же продолжала функционировать без формального на то разрешения. Н.М. Емельянова, к примеру, пишет, что к концу 30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии «...60 мечетей действовали без разрешения властей, на свой страх и риск» [Емельянова 1999: 72–73]. В последующие годы практика фактического функционирования культовых зданий без прохождения каких-либо формальных регистрационных процедур стала для республики обыденной. Ее существование и широкое распространение фиксируется вплоть до конца советского периода.

Важным этапом в деятельности республиканских мечетей являлся период временной оккупации территории Кабардино-Балкарии силами вермахта (август 1942 – январь 1943 гг.). Как известно, фашистская администрация вела работу по привлечению на свою сторону населения региона. В ее рамках осуществлялись разного рода популистские меры, в том числе направленные на эксплуатацию религиозных чувств жителей с целью обеспечения их лояльности. Составной ее

частью было массовое возрождение деятельности мечетей. Так, в архивных документах содержатся сведения о торжествах по случаю открытия молитвенных зданий в селениях Верхний и Нижний Куркужин, Баксаненок, Кызбурун II, Алтуд, Заюково, Шалушка, Каменноостское [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54а. Л. 73–74]. Согласно ряду документов, оккупационной администрацией в Кабардино-Балкарии было открыто «...по 2–3 мечети в каждом населенном пункте» [Дегтярев 1995: 131]. Речь шла, конечно, не о новых зданиях, построить которые за непродолжительное время оккупации (от 2 до 5 месяцев в зависимости от района – А.Т.) было невозможно, а именно о тех официально закрытых еще в 30-е гг., но бездействовавших, либо продолжавших фактически функционировать на свой страх и риск зданиях. В новых исторических условиях их торжественное открытие использовалось фашистским режимом для манипулирования общественным сознанием, разжигания антисоветских настроений, педалирования идеи своей высокой освободительной миссии.

Также оккупационные власти вели работу по стимулированию религиозной активности масс. Для этого, к примеру, был издан приказ, по которому пятница объявлялась выходным днем для мусульман. При этом указывалось, что в этот день «...мусульмане обязаны посещать свои мечети» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 12. Л. 11]. В целом в период оккупации культовые здания нередко становились площадками для антисоветской пропаганды, а возглавлявшие их представители духовенства, вольно или невольно, – ее рупорами.

После освобождения территории республики от немецко-фашистских захватчиков (январь 1943 г.) фактическое функционирование значительного количества культовых зданий было установлено и официально задокументировано. При этом отмечалось, что большинство из них «...действует по существу незаконно» [ГАРФ Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 144]. Однако каких-либо решительных действий по их закрытию предпринято не было. На волне либерализации религиозной политики государства часть из них вскоре даже получила официальную регистрацию. Так, по состоянию на 1 января 1946 г. в КАССР была оформлена деятельность 26 религиозных общин, из которых 13 были мусульманскими [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7], а также 13 используемых данными общинами мечетей. Важно отметить, что приведенные показатели за 1946 г. оказались максимальными за весь период 40–80-х гг. Даже по состоянию на 1988 г. в республике была официально зарегистрирована деятельность только 13 мечетей [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 77. Л. 8].

В послевоенный период в субрегионе имел место всплеск активности местных общин верующих, в том числе направленный на получение ими официальной регистрации. Однако, судя по приведенным выше весьма скромным цифрам, положительные решения по данному вопросу принимались властями крайне редко. Многочисленным же де-факто существующим объединениям верующих, даже с большим числом входящих в их состав членов, порой достигавших, по официальным оценкам, 300–400 человек, как, например, в с. Камлюково, Гунделен, Шордаково, Кахун, Малка, Сармаково, Лечинкай, Кызбурун I (Атажукино), Куба [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1519. Л. 26] и др., в регистрации, как правило, отказывали.

Новый всплеск активности верующих по вопросу получения официальной регистрации и в деле строительства новых мечетей произошел после возвращения из депортации балкарцев (1957 г.). Так, к примеру, в январе 1958 г. группа верующих с. Советское (Кашхатау) обратилась с ходатайством о строительстве мечети. Однако, несмотря на то, что был установлен факт наличия в данном населенном пункте довольно крупной общины верующих – порядка 100–150 человек, в строительстве им было отказано в связи с тем, что «...все вернувшиеся семьи строят жилые дома...и в районе ощущается недостаток строительных материалов» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8].

В целом же в послевоенные советские десятилетия процесс прохождения процедуры регистрации религиозных обществ/групп, а, следовательно, и культовых зданий, продолжал оставаться делом исключительно сложным, всецело зависящим от желания и заинтересованности властей. Очевидно также, что подобной заинтересованности не было, так как довольно быстро, уже в первые послевоенные годы, в республике был достигнут некий уровень минимальной достаточности числа религиозных объединений и зданий культового назначения, пригодный для демонстрации произошедших в период войны позитивных сдвигов в рамках конфессиональной политики. Поэтому вполне соответствуют реальности сведения, содержащиеся в отчете за 1960 г., согласно которым «...за последние 10–12 лет на территории республики не было открыто и зарегистрировано ни одного молитвенного дома» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1311. Л. 35].

Однако имеющийся обширный пласт документов, основную часть которых составляют материалы аппарата уполномоченного по делам религиозных культов – посреднической структуры между властными органами и верующими, созданной в 1944 г., позволяет реконструировать фактические реалии религиозной жизни населения субрегиона в 40–80-х гг. XX в., а также обоснованно утверждать, что в большинстве его населенных пунктах фактически действовали, правда, не имея регистрации, строения религиозного назначения. Чаще всего в качестве таковых использовались кладбищенские постройки, официально предназначавшиеся для хранения погребального инвентаря, либо сторожки. Функционирование подобного рода зданий было зафиксировано, например, в с. Шордаково, Куба, Кызбурун I (Атажукино) [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 2] и др. Фактически продолжал действовать и ряд зданий, официально закрытых еще в 20–30-х гг. XX в., но так и не перепрофилированных под светские нужды, как, например, в с. Каменномостское, Псыхурей, Баксан [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8]. В одном из документов за 1962 г. подробно описан подобного рода случай. Так, в с. Баксан здание бывшей мечети, в свое время переданное под склад колхозу им. Шогенцукова, но некоторое время пустующее, было «...захвачено группой верующих стариков во главе с незарегистрированным муллой Ш-ым. Старики переделали это здание под мечеть, подвели электролинию, сделали ремонт и начали в нем проводить намазы» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15]. При этом подчеркивалось, что «...все это делалось в районном центре, посередине села, на виду у жителей, учителей, руководства сельского Совета и колхоза» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 15]. Также в

эти годы иногда выявлялись случаи, правда единичные, самовольного строительства новых культовых сооружений вне территорий кладбищ, как, например, в с. Кызбурун I, Лечинкай, Чегем I [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8].

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти официально незарегистрированные мечети действовали в целом вполне открыто. Местные власти, как правило, не препятствовали их функционированию. Хорошо иллюстрирует вышесказанное пример в с. Куба. В отчете за 1962 г. сообщалось, что «...в с. Куба под видом сторожки верующие выстроили на кладбище молитвенный дом в 124 кв. м. Об этом самовольном строительстве знали председатель с. совета т. Ш...в и председатель райисполкома т. Г...в, но никаких мер не приняли. Теперь верующие настаивают на регистрации этой "сторожки" как мечети» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1420. Л. 83].

Общей же тенденцией для республики являлось стремление местных властей замолчать факты наличия культовых зданий от контролирующих структур. На данный нюанс в свое время обратил внимание уполномоченный по делам религиозных культов республики, отметивший в одном из своих отчетов за 1971 г., что «...большинство сельских советов сообщает, что в селениях, подведомственных им не имеется ни служителей, ни мечетей, ни групп верующих и вообще никакой религиозной деятельности нет. Если поверить этому, то Кабардино-Балкария может считаться самой атеистической республикой Северного Кавказа» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 4].

Период с 1958 по 1964 г. в масштабах страны являлся временем усиления антирелигиозной деятельности, одним из проявлений которой стало провозглашение борьбы с незаконно действующими культовыми зданиями. В Кабардино-Балкарии она велась довольно вяло и не привела к закрытию или сносу хотя бы одного из них, хотя подобного рода попытки все же предпринимались. Яркий случай, к примеру, произошел в с. Чегем I, где в 1964 г. было выявлено функционирование на территории местного кладбища мечети под видом сторожки, размером около 50 кв. м, где регулярно проводились собрания верующих. Было принято решение о сносе данного строения. Однако реализовать его не удалось. В отчете по данному событию сообщалось, что для сноса мечети был отправлен бульдозер, однако «...бульдозерист, узнав, какая предстоит ему работа, бросил машину и ушел» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. При этом действия бульдозериста вызвали словесные одобрения и даже аплодисменты присутствовавших жителей села. Представителям же власти «...с трудом удалось успокоить верующих, которые грозились поехать с жалобой в республиканские органы», так как, по их словам, данная мечеть была построена «...с помощью колхоза и с ведома сельсовета» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32].

В целом же в последующие годы подобного рода мечети, построенные под видом хозяйственных построек на территориях кладбищ, де-факто имелись в значительной части населенных пунктов республики. Однако в связи со спецификой их статуса и частым нежеланием представителей местных властей подтверждать реальность их существования, точного их количества установить не представляется возможным. В большинстве это были небольшие по площади

здания, которые вмещали лишь ограниченное число людей, в основном – представителей старшего поколения.

Коренные изменения в характере функционирования в Кабардино-Балкарии культовых зданий начали происходить с конца советского периода. Законодательное оформление они получили в результате принятия двух исторически важных документов – Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» от 1 октября 1990 г. и Закона РСФСР «О свободе вероисповедания» от 25 октября 1990 г. В соответствии с ними впервые за многие десятилетия религиозные общины обретали права юридических лиц и могли приобретать в собственность, либо строить с последующим оформлением, культовые здания (ст. 26). Данные решения способствовали бурному росту в республике числа мечетей. При этом рост обеспечивался именно за счет возведения новых монументальных зданий высокой вместимости. Данная тенденция стала в Кабардино-Балкарии в последующие годы доминирующей, являясь одним из наиболее ярких проявлений начавшегося процесса религиозного возрождения.

Заключение

Таким образом, на протяжении всего советского периода в Кабардино-Балкарии мечети функционировали в условиях, направленных на поступательное сокращение их числа. Действия органов власти по их реализации вступали в противоречие с религиозными потребностями населения, в числе которых весьма рельефно проявлялась необходимость в их наличии и стабильной работе. Вынужденное преодоление данного противоречия способствовало появлению и широкому распространению различных способов обхода данных ограничений. Наиболее часто прибегали к строительству и использованию для культовых целей сооружений формально хозяйственного назначения – кладбищенских сторожек, помещений для хранения инвентаря, складов, для возведения которых не требовалось официального разрешения. Подобное положение дел избавляло религиозные общины от прохождения установленной законом сложной процедуры регистрации, вероятность положительного исхода которой была, как правило, невысока. Подобная форма существования культовых зданий доминировала в республике фактически до конца советского периода. В связи с этим цифры официальной статистики, отражающие количественные показатели в отношении действующих мечетей, оставались стабильно низкими, хотя и абсолютно не отражали реальность. Подобная мимикрия, безусловно, помогала преодолеть действовавшие в советский период ограничения на строительство и эксплуатацию религиозных зданий. Однако, с другой стороны, она несла в себе и безусловную ограниченность – здания мечетей были маленькими по площади, а, следовательно, могли вместить лишь небольшое число верующих. Крутое изменение вектора государственной религиозной политики, произошедшее в конце советского периода, привело к снятию ограничений по строительству культовых сооружений, способствовало стремительному росту их числа, а также качественному изменению характеристик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акиева 2010 – *Акиева С.И.* Ислам в Кабардино-Балкарской республике // Россия и мусульманский мир. – 2010. – № 11. – С. 66–76.

Атаев, Бегеулов 2015 – *Атаев Т.И., Бегеулов Р.М.* Лишение избирательных прав как форма социальной дискриминации мусульманского духовенства Северного Кавказа в 1921–1936 гг. (на материалах Карачая) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8. – С. 27–30.

Бабич 2001 – *Бабич И.Л.* Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты // Этнографическое обозрение. – 2001. – № 2. – С. 131–142.

Беккин 2021 – *Беккин Р.И.* «Мусульманскую мечеть, как здание культа – закрыть...» (Соборная мечеть Ленинграда в 1932–1940 гг.) // Minbar. Islamic Studies. – 2021. – № 3. – С. 529–555.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

Дегтярев 1995 – *Дегтярев Ю.М.* Открывал ли Сталин церкви? // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: материалы «Круглого стола», посвященного 50-летию Победы (13 апреля 1995 г.). – Москва, 1995. – С. 130–142.

Емельянова 1999 – *Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. – Москва: Граница, 1999. – 140 с.

Емельянова 2002 – *Емельянова Н.М.* Тайное и явное в северокавказском исламе (на примере Кабардино-Балкарии и Северной Осетии) // Дарьял. – 2002. – № 4 (53). – С. 202–225.

Кобзев 2014 – *Кобзев А.В.* Мусульманское духовенство в СССР в 1940–1980-х гг. // Вопросы истории. – 2014. – № 1. – С. 149–158.

Мамбетов, Мамбетов 1999 – *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20–30-е годы. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. – 272 с.

Мамсиров 2004 – *Мамсиров Х.Б.* Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е гг. XX в. (на материалах Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии). – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 328 с.

Сосковец 2003 – *Сосковец Л.И.* Правовое положение религиозных организаций в советском государстве // Ученые записки Санкт-Петербургского филиала РТА. – 2003. – № 1. – С. 310–322.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

AKKIEVA S.I. *Islam v Kabardino-Balkarskoj respublike* [Islam in the Kabardino-Balkarian Republic]. In: Rossiya i musul'manskij mir [Russia and the Muslim World]. – 2010. – № 11. – P. 66–76. (In Russ.)

ATAEV T.I., BEGEULOV R.M. *Lishenie izbiratel'nyh prav kak forma social'noj diskriminacii musul'manskogo duhovenstva Severnogo Kavkaza v 1921–1936 gg. (na materialah Karachaya)* [Deprivation of voting rights as a form of social discrimination against the Muslim clergy of the North Caucasus in 1921–1936 (on the materials of Karachay)]. In: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 8. – P. 27–30. (In Russ.)

BABICH I.L. *Islam v sovremennoj Kabardino-Balkarii: pravovye aspekty* [Islam in modern Kabardino-Balkaria: legal aspects]. In: Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. – 2001. – № 2. – P. 131–142. (In Russ.)

BEKKIN R.I. «*Musul'manskuyu mechet', kak zdanie kul'ta – zakryt'...*» (*Sobornaya mechet' Leningrada v 1932–1940 gg.*) [«Close the Muslim mosque as a religious building...» (The Cathedral Mosque of Leningrad in 1932–1940)]. In: Minbar. Islamic Studies. – 2021. – № 3. – P. 529–555. (In Russ.)

GARF – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
 DEGTYAREV YU.M. *Otkryval li Stalin cerkvi?* [Did Stalin open churches?]. In: Religioznye organizacii Sovetskogo Soyuza v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.: materialy «Kruglogo stola», posvyashchennogo 50-letiyu Pobedy (13 aprelya 1995 g.). – Moscow, 1995. – P. 130–142. (In Russ.)

EMEL'YANOVA N.M. *Musul'mane Kabardy* [Muslims of Kabarda]. – Moscow: Granica, 1999. – 140 p. (In Russ.)

EMEL'YANOVA N.M. *Tajnoe i yavnoe v severokavkazskom islame (na primere Kabardino-Balkarii i Severnoj Osetii)* [The secret and the explicit in North Caucasian Islam (on the example of Kabardino-Balkaria and North Ossetia)]. In: Daryal. – 2002. – № 4 (53). – P. 202–225. (In Russ.)

KOBZEV A.V. *Musul'manskoe duhovenstvo v SSSR v 1940–1980-h gg.* [The Muslim clergy in the USSR in the 1940s–1980s]. In: Voprosy istorii [Questions of History]. – 2014. – № 1. – P. 149–158. (In Russ.)

MAMBETOV G.H., MAMBETOV Z.G. *Social'nye protivorechiya v Kabardino-Balkarskoj derevne v 20–30-e gody* [Social contradictions in the Kabardino-Balkarian village in the 20s–30s]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNC RAN, 1999. – 272 p. (In Russ.)

MAMSIROV H.B. *Modernizaciya kul'tur narodov Severnogo Kavkaza v 20-e gg. XX v.* (na materialah Adygei, Kabardino-Balkarii, Karachaevo-Cherkesii) [Modernization of cultures of the peoples of the North Caucasus in the 20s of the 20th century (on the materials of Adyghea, Kabardino-Balkaria, Karachay-Cherkessia)]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 328 p. (In Russ.)

SOSKOVEC L.I. *Pravovoe polozhenie religioznyh organizacij v sovetskom gosudarstve* [Legal status of religious organizations in the Soviet state]. In: Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo filiala RTA [Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy]. – 2003. – № 1. – P. 310–322. (In Russ.)

UTsGA AS KBR – Upravlenie Central'nogo gosudarstvennogo arhiva Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Department of the Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic].

UTsDNI AS KBR – Upravlenie Centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Department of the Center for Documentation of Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic].

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.06.2026 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2026 г.; принята к публикации 29.09.2026 г.

The article was submitted 07.06.2026; approved after reviewing 15.09.2026; accepted for publication 29.09.2026.